

Пэй Силуань не видела того, что произошло на улице всего мгновение назад, поэтому, едва бросив взгляд на игрушку, тут же с улыбкой воскликнула:

— Какая круглая!

Она подошла ближе, сияя мягкой улыбкой. Выглядела сестрица столь безмятежно и миловидно, что Чанся не удержался и залюбовался ею.

— Брат Чанся, откуда у тебя такая прелесть? — поинтересовалась Пэй Силуань.

— Двоюродный брат смастерил! — звонко и без обиняков выпалила Саньню.

Пэй Силуань понимающе кивнула. В деревне каждый знал, что Пэй Яо мастак на такие штуки, вот только она, как и Пэй Саньню, не водила с ним близкого знакомства.

— Но ведь брат Яо говорил, что понесет их продавать? — подала голос Пэй Саньню, стоявшая позади Ян Хуацзюэ.

Говоря это, она легонько подтолкнула подругу в спину.

Качели взмыли в воздух, и лица юных ребят озарились счастливыми улыбками.

— Хочешь взглянуть? — спросил Чанся.

Пэй Силуань тут же бережно приняла тигренка и принялась с улыбкой его разглядывать.

Услышав вопрос Саньню, юноша уклончиво ответил:

— Перед самым уходом он передумал продавать. Велел забрать домой.

На самом-то деле Пэй Яо сказал совсем другое: «Раз тебе нравится — не стану продавать, заberi себе поиграть». Но подобные речи прилюдно пересказывать не следовало.

Четырехлетний младший братишка Пэй Силуань, который до этого смирно играл в сторонке, завидев в руках сестры тигра, вмиг примчался к ним и капризно заканючил, требуя дать игрушку ему.

Силуань протянула было малышу тигренка, но тот, едва ухватив деревяшку, наотрез отказался выпускать её из рук, заявляя, что хочет забрать себе насовсем.

Тонкие брови девушки сердито сошлись на переносице, она явно разозлилась и без лишних слов силой отобрала тигренка, вернув его Чанся.

— Всплакнуть вздумал? Ну погоди, матушка вернется — живо тебе всыплет, — пригрозила Силуань.

Хоть сама она по натуре была хрупкой и слабой и никогда не поднимала руку на младших, но в доме перед ними авторитета не теряла, ведь её без памяти любила родная мать.

Сама Лю-ши была женщиной крупной, дородной и в манерах грубоватой, а вот старшая дочка у неё уродилась нежной и хрупкой, точь-в-точь тонкая ивушка на ветру, оттого мать и не чаяла в ней души.

Чанся, видя, что малыш всё еще шмыгает носом, немного подумал и ласково произнес:

— Давай ты чуть позже зайдешь ко мне, и я подарю тебе деревянную цикаду. Она, правда, не раскрашена — твой брат Пэй Яо вырезал её, да испортил, вот и бросил за ненадобностью. Ему она больше не нужна, а тебе играть в самый раз будет.

Мальчуган вмиг перестал плакать, вытер кулачком скупые слезы и, задрав голову, просиял широкой улыбкой.

Пэй Силуань с досадой легонько ткнула брата в лоб и отчитала:

— Упрямый малый! Вечно у людей побирушничает. Ладно еще, что это брат Чанся, будь на его месте чужой человек — я бы тебе уши-то оборвала.

Их семьи были близкой родней и часто ходили друг к другу в гости, к тому же, услышав, что вещь всё равно испорчена, девушка рассудила, что беды не будет.

Пэй Яо ведь мастерил эти безделушки на продажу. Для него это был заработок, в который он вкладывал немало сил и душевного тепла, так что любой разумный человек не стал бы так просто открывать рот и выпрашивать чужой труд. Но перед ними был всего лишь четырехлетний ребенок, и Чанся рассудил, что от одной безделицы от них не убудет.

Пэй Саньню раскатала на качелях Ян Хуацзюэ, затем уступила место Цзян Иньде, а сама то и дело косилась на маленького тигра в руках Чанся, и в душе её шевелилась тихая зависть.

Стоило ей в первый раз увидеть этого тигренка, как он сразу запал ей в сердце — такой упитанный, крошечный, размером всего с ладонь, и чем дольше на него смотришь, тем занятнее он кажется.

Но попросить его она так и не отважилась. Во-первых, стыдоба-то какая — разнесется весть по деревне, курам на смех поднимут, как потом людям в глаза смотреть? А во-вторых, это ведь вещь, которую Пэй Яо сотворил ради звонкой монеты, с какой стати ему раздаривать её направо и налево?

— Брат Чанся, иди скорее, я тебя покачаю! — окликнула юношу Саньню.

Чанся всё еще сжимал в ладони тигренка, и усаживаться на качели с ношей в руках было не с руки.

Заметив, что он ищет, куда бы пристроить игрушку, Пэй Силуань с улыбкой подсказала:

— Братец, поставь его прямо на столик под навесом. Когда уходить будешь — заберешь, а сейчас давай веселиться.

Под крышей как раз примостился небольшой квадратный столик, туда Чанся и определил свою драгоценность.

Пэй Силуань строго зыркнула на младшего брата, и в этом взгляде читалось недвусмысленное предупреждение.

Мальчуган оказался смышленным: зная, что вскоре получит обещанную деревянную цикаду, он даже близко не подошел к столику и не стал трогать тигренка.

Убедившись, что брат ведет себя чинно, Силуань со спокойной душой присоединилась к забавам.

Качели взмыли вверх, и Чанся крепко ухватился за веревки по обе стороны.

Санью, согнув спину — девицей она была крепкой и силой обижена не была, — приложила всю свою удаль и толкнула качели с такой силой, что те в один миг взлетели на самую вершину качельной рамы.

Сказать, что Чанся не испугался, было бы неправдой, но в то же время в его груди разлилось какое-то неопишное, пьянящее чувство восторга и радости.

На его лице засияла редкая, широкая и искренняя улыбка.

Молодежь качалась по очереди, и Пэй Силуань тоже была счастлива: какая радость качаться в одиночку? Куда веселее, когда вокруг раздаются шутки да звонкий смех.

Беззаботный смех юности разносился по всему двору.

Лю-ши, вернувшись из гостей, застала во дворе целую гурьбу ребятишек, чьи лица цвели счастливыми улыбками. Боясь, что её присутствие стеснит молодежь, она поспешно крикнула им, чтобы продолжали веселиться, а сама ушла в дом, не став мешать.

Сойдя с качелей, Чанся встал позади Санью и принялся раскачивать её.

Санью оказалась куда смелее его: она вовсе подзадоривала его, требуя поднажать еще сильнее, чтобы взлететь под самые облака.

Видя такое веселье, Ян Хуацзюэ тоже не выдержала и принялась помогать Чанся, толкая качели с удвоенной силой.

Цзян Иньде и Пэй Силуань, накатавшись докрасна, примостились на стульях, чтобы перевести дух.

Глядя на разгоряченное, сияющее улыбкой лицо Чанся, которое сейчас разительно отличалось от его привычного тихого и блеклого облика, Цзян Иньде на мгновение замерла, а затем медленно опустила глаза.

Чанся был старше их всех, так что к их кругу сверстников его можно было отнести с натяжкой. Да и Пэй Яо он тоже доводился старшим.

В деревне с малых лет все знали, что в семье Пэй подрастает «воспитанный в доме суженный», вот только из-за разницы в возрасте они долго не могли сойтись в общих играх.

Вспомнив, как сегодня улыбался Пэй Яо — его глаза сияли ярче звезд, а сам он казался статным и свежим, точно весенний ветер, — Цзян Иньде ощутила в груди тоскливое, неизъяснимое чувство.

Она ни единой живой душе не открывала своих затаенных мыслей.

У Пэй Яо ведь с детства был суженый, так что заикаться о своих чувствах она, разумеется, не смела — соседи живо бы за спиной кости перемыли.

К тому же в последнее время по деревне поползли упорные слухи, будто семейство Пэй вот-вот собирается справить свадьбу для Пэй Яо и Чанся.

Не один только Ян Фэннянь знал о привередливом нраве Пэй Яо, любившем всё красивое —

прочие девчата и шуаньэры тоже были об этом прекрасно осведомлены. Как-никак, в детстве мальчишка давался на руки только тем, кто уродился погож лицом, и в свое время полдеревни над этим подшучивало.

Услышав новость о скорой свадьбе, Цзян Иньде помимо горькой тоски ощутила, как с её души словно свалился огромный камень.

Сама она уродилась красавицей, с малых лет отличалась гордым и упрямым нравом, оттого и парней оценивала строгим взглядом.

Среди молодежи из окрестных деревень Пэй Яо выгодно отличался и статью, и лицом; нрав имел справный, к труду был прилежен, в работе никогда не отлынивал, да еще и таким тонким ремеслом владел.

В глазах многих он казался парнем, в котором и изъяна-то не сыскать.

Прежде, когда сердце Цзян Иньде еще молчало, она, видя пред собой пригожего юношу, и сама была не прочь перекинуться с ним парой слов.

Но шло время, Пэй Яо становился всё выше и краше. Ей доводилось видеть его в пылу жестоких деревенских драк — даже когда его лицо было залито кровью и покрыто ссадинами, он сохранял всё тот же дерзкий, ничем не сломленный вид.

Доводилось ей видеть и его ослепительную, искреннюю улыбку — широкую и свободную.

Она и сама не заметила, как в её девичьей груди расцвели нежные чувства к нему.

За последние два года дорожки Цзян Иньде и Пэй Яо пересекались не так уж часто: случайная встреча на деревенской улице да пара незначительных фраз — и этого ей хватало, чтобы потом втайне радоваться весь день.

Вот только эта радость неизменно поникла и бледнела, стоило ей заметить безмолвную фигуру Чанся, которая вечно следовала за парнем тенью.

У Пэй Яо уже есть суженый.

В отличие от других деревенских парней, старающихся вовсю выслужиться перед девчатами, Пэй Яо обладал немалой гордостью. Он редко когда вызывался помочь кому-то донести охапку травы или подсобить в работе, разве что если видел, что человек упал или ушибся — тогда мог мимоходом протянуть руку помощи. Но вот заниматься пустой угодливостью он не стал бы ни за что.

Ни за что и ни ради кого... кроме Чанся.

С тех самых пор, как Пэй Яо перерос Чанся, всю тяжелую ношу, накошенную Чанся, он неизменно взваливал на свои плечи.

Раньше Цзян Иньде не придавала этому значения, но за последние два года, когда в её сердце затеплилось тайное чувство, она отчетливо это подметила.

Они ведь одна семья — и это казалось делом разумеющимся, в которое чужакам ходу не было.

И она сама пыталась себя в этом убедить.

Еще в прошлом году Пэй Яо держался с Чанся довольно прохладно, на людях особой заботы не проявлял, но с этого года, бог весть в какой момент, между ними что-то неуловимо переменилось.

И вот сегодня Цзян Иньде воочию увидела то, что зовется фаворитизмом.

Маленький тигр всё так же преспокойно лежал на столике, его забавный вид приковывал к себе взгляды, и за такую вещицу наверняка можно было выручить добрую горсть монет.

Пэй Яо ведь изначально нес его на продажу, но стоило ему заметить, что Чанся тоже приглянулась игрушка, как он без колебаний отдал её ему, наотрез отказавшись от выгоды.

Цзян Иньде не была глупой и прекрасно видела, с каким восхищением все вокруг разглядывали этого тигренка.

Разве это не было чистой воды предпочтением?

В душе её копошилась глухая обида и грусть, но она знала, что ни в коем случае нельзя подавать виду. Когда Пэй Силуань окликнула её, завязав разговор, девушка вскинула голову и отозвалась с привычной сияющей улыбкой.

Когда пришла пора возвращаться домой, Пэй Юйлян послушно засеменил следом за Чанся. Чэнь Чжи, глядя на эту картину, лишь по-доброму усмехался и всю дорогу забавлял малыша разговорами.

Переступив порог родного дома, Чанся прошел в комнату и вынес обещанную деревянную цикаду.

Четырехлетний Пэй Юйлян от радости прямо-таки пустился в пляс. Он высоко подбрасывал цикаду, заставляя её «лететь», и вовсю подражал стрекотанию насекомого: «Зу-зу-зу!», после чего припустил во весь дух к себе домой.

В западном флигеле Чанся примостился на краю кана, опустив голову и не отрывая взгляда от маленького тигра в своих ладонях.

Поделки, что мастерил Пэй Яо, домашние видели далеко не все. Парень целыми днями возился со своими деревяшками, и остальные к этому давно привыкли, не проявляя особого любопытства.

Поначалу мастерства Пэй Яо не хватало, работа выходила топорной, самому ему результат не нравился, оттого и показывать его кому-либо он не желал.

Но вот последние его творения — птичьи гнезда да изящные клетки — вышли на диво удачными, сам он остался ими доволен, посчитав красивыми и забавными, а потому не преминул похвастаться перед домашними.

До сегодняшнего дня Чанся не обращал особого внимания на этого тигренка, знал лишь, что Пэй Яо использовал для его покраски сочные желтые красители.

Обычно, когда Пэй Яо красил или раскладывал их для просушки, Чанся старался держаться поодаль, пуще огня боясь ненароком испортить чужой труд.

Тигренок размерами выдался чуть побольше упитанного щенка. Чанся некоторое время вертел

его так и эдак, а затем легонько провел пальцем по вырезанному на лбу иероглифу «王».

Этот знак он знал, это было слово «Король». Повелитель диких зверей.

(Иероглиф 王 переводится как «король», «ван» или «правитель». Но на лбу у тигра этот знак пишется потому, что естественные полосы на голове тигров напоминают этот иероглиф. В китайской культуре тигр — это не просто абстрактный король, а именно «Царь зверей» (аналог льва на Западе))

*

Пэй Яо вернулся из города, успешно продав серого голубя и зеленого попугайчика. На сей раз в его поделках не было особых изысков или хитроумных украшений, так что за голубя ему по-прежнему выручили сорок взней, а вот попугай ушел за целых семьдесят.

Если судить по размерам фигурок и количеству затраченной краски, то за вычетом стоимости материалов — не считая, разумеется, вложенного труда и времени, — обычная деревянная поделка, уходившая за сорок взней, приносила добрую половину, а то и больше чистой прибыли.

Даже если продавать всего по две-три штуки в месяц, на покупку зубного порошка и личные нужды денег вполне хватало, и не приходилось тянуть монету из семейного кошелька.

В том ведь и заключалась деревенская жизнь: тут немного заработаешь, там копеечку раздобудешь — глядишь, на повседневные расходы и наберется.

Чанся поворошил сушеные хурмовые дольки, разложенные на бамбуковом подносе, прикидывая в уме, какие овощи остались в закромах кухни и чем бы подкрепиться в сумерках. Обернувшись, он едва не налетел грудью на бесшумно подошедшего Пэй Яо.

Юноша от неожиданности вздрогнул и поспешно отшатнулся назад.

В глазах Пэй Яо мелькнула едва заметная смешинка, он раскрыл свою широкую ладонь и протянул её Чанся.

— Перепелиные яйца? — удивился Чанся.

На дворе стояла глубокая осень, и лесные перепелки в эту пору яйца откладывали крайне редко.

Ладонь Пэй Яо опустела, он убрал руку и устремил взгляд на слегка порозовевшие щеки Чанся, тихо промолвив:

— Фэннянь рассказывал, что вчера ходил в горы за купеной и наткнулся на гнездо в древесном дупле. Всего два штуки и оказалось. Свари их, да поделись с бабушкой.

— А с чего это он вдруг тебе их отдал? — с любопытством спросил Чанся.

Пэй Яо небрежно обронил:

— Попросил меня вырезать для его младшей сестренки такого же тигра. Обещал взамен поймать еще несколько перепелок и принести в уплату.

— Вот оно что, — Чанся понимающе кивнул.

Маленький тигр и впрямь получился на диво хорош, так что не было ничего удивительного в том, что он всем пришелся по сердцу.

Пэй Яо никогда не принижал своего мастерства: только когда вещь сделана на совесть и нравится людям, она и продается так споро.

Да и то, как сильно тигренок приглянулся Цзян Иньде, он тоже прекрасно заметил.

Будь на его месте кто другой, возможно, воспользовался бы случаем и преподнес бы игрушку в дар девице, плывя по течению.

Но желающих-то было хоть отбавляй — от мала до велика, не будь на поделки спроса, он бы и продать ничего не смог.

Подарить такую вещицу родственникам было делом обычным, но вот Цзян Иньде родней ему не приходилась, и подобная щедрость слишком легко могла дать пищу для кривых толков.

Да и к тому же... Чанся ведь тоже этот тигренок пришелся по душе.

Чанся поспешил на кухню, чтобы отварить перепелиные яйца, а Пэй Яо, мазнув взглядом по вышедшему из комнаты Чэнь Чжи, дошел лишь до кухонного порога и остановился.

Чэнь Чжи, стоя в дверях главной комнаты, зычно скомандовал:

— Чанся, достань из кадки кусок соленой капусты да покроши её, сейчас обжарим парочку старых огурцов, редьку обдадим кипятком да сделаем холодный салат. Еще разогрей несколько маньтоу, ужин пускай будет простым.

— Хорошо, папа, — отозвался Чанся и тут же принялся за дело.

Заметив, что щеки Чанся всё еще подернуты легким румянцем, точно предзакатные облака на краю неба, Пэй Яо взглянул пристальнее, а затем, опустив глаза, тихо спросил:

— На качелях качался?

При упоминании об этом глаза Чанся радостно сощурились, и он с воодушевлением вымолвил:

— Ага, качался! Взлетал очень высоко, даже выше самой рамы качелей!

Сам-то он этого не видел, это ему потом всю тараторила восторженная Саньню, когда он сошел на землю.

Пэй Яо тихонько рассмеялся. То-то у него лицо так покраснелось — видать, парень просто переусердствовал с забавами.

<http://bllate.org/book/17875/1732078>